

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕГЕРМАЙЕРЪ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Москва. (Стих.). О. Глинка. —
 II. Пожаръ Москвы. Т. Пассекъ. — III. Иванъ Ан-
 дреевичъ Крыловъ. Л—а. — IV. Изъ переписки двухъ
 друзей. — V. Французскій плѣнникъ въ Россіи въ 1813
 году.

МОСКВА.

ПРОДѢ чудный, городъ древній,
 Ты вмѣстилъ въ свои концы
 И посады, и деревни,
 И палаты, и дворцы!

Опоясанъ лентой пашень,
 Весь пестрѣешь ты въ садахъ.
 Сколько храмовъ, сколько башень
 На семи твоихъ холмахъ!

Исполинскою рукою
Ты какъ хартія развитъ;
И надъ малою рѣкою
Сталь великъ и знаменитъ!

На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастаютъ дерева;
Глазъ не схватить улицъ длинныхъ...
Это матушка Москва.

Кто силачъ возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря.
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана звонаря?

Кто царь-колоколь подыметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто гордецъ не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?

Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ!
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!

Ты какъ мученикъ горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная.

И подъ пепломъ ты лежала
Полоненная,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнная!

Прощѣтай же славой вѣчной
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

Р. Глинка.

ПОЖАРЪ МОСКВЫ.

Изъ разсказовъ моего дяди.

Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклонной
Съ ключами стараго Кремля.
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головой.
Не праздникъ, не приѣмный даръ
Она готовила—пожаръ!

А. Пушкинъ.

ПОХОДИЛЪ, походилъ Наполеонъ около вала, дождалъ еще депутаціи, да такъ безъ депутаціи и вошелъ въ городъ, тутъ у Драгомиловской заставы и ночевалъ на постояломъ дворѣ.

— Чего ждалъ у заставы, замѣтила Петровна, слыхано ли дѣло встрѣчать врага съ хлѣбомъ-солью.

— Встрѣчали въ другихъ государствахъ,—сказалъ дядя, и продолжалъ свой разсказъ. Пока Наполеонъ отдыхалъ у Драгомиловской заставы, армія его, несмотря на то что была голодна и измучена, вошла въ Москву въ стройномъ порядкѣ, и тотчасъ же разсыпалась по квартирамъ. Во дворахъ и въ окнахъ домовъ показались военные,—одни прохаживались по комнатамъ, другіе осматривали погреба и подвалы, хозяйничали съ провизіей; отбивали двери сараевъ и конюшенъ, кто въ кухнѣ разводилъ огонь, кто стряпалъ.

Не смотря на то, что начальство тотчасъ же издало

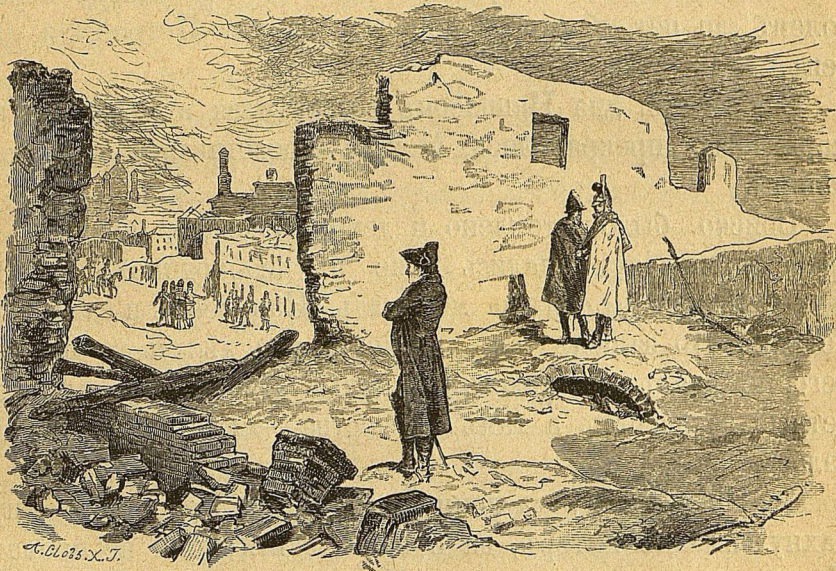
указъ, которымъ запрещало грабить, войско, вступивши въ обильный всѣмъ, пустой городъ, напало на безчисленные богатства, какъ голодное стадо. Начальство, останавливая солдатъ отъ грабежа, само увлекалось тѣмъ же. Генералы толпились въ каретномъ ряду и выбирали себѣ кто карету, кто коляску.

На другой день, утромъ, Наполеонъ отправился въ Кремль. Но не успѣлъ пробывать и нѣсколько часовъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, какъ Москва вспыхнула со всѣхъ четырехъ концовъ. Разомъ горѣли: каретный рядъ, Замоскворѣчье, гостинный дворъ, Поварская, барки на Москвѣ-рѣкѣ и дровяной дворъ у Драгомиловскаго моста. Деревянные дома вспыхивали точно стружки, изъ оконъ каменныхъ зданій рвалось пламя, тамъ сальный заводъ горѣлъ какъ свѣчка; — тутъ надъ питейнымъ домомъ поднимался голубой столбъ огня, гдѣ пылала цѣлая улица. — Зарево разлилось по небу и на сто верстъ озаряло русскую землю, удалявшихся жителей Москвы, отступавшее русское войско и—ихъ слезы и слезы народа по родному городу.

Трескъ валившихся стѣнъ, свистъ пламени сливались съ криками народа, съ плачемъ и стономъ женщинъ и дѣтей. Сквозь густой дымъ и блески искръ виднѣлись разбросанные домашніе пожитки, перины, самовары, образа, сундуки. Огнетушительныхъ снарядовъ нигдѣ не могли найти, а напротивъ нашли легковоспламеняющіяся вещества, да заряженные разрывочные снаряды и схватили нѣсколько зажигателей. Остановить пожаръ не было возможности. Багровыя волны облегли и Кремль.

Тутолминъ, начальникъ воспитательнаго дома, остававшійся въ Москвѣ—продолжалъ дядя—говорилъ, что онъ видѣлъ, какъ на покатиистой возвышенности, охваченной высокой Кремлевской стѣной, скрестивши руки, стоялъ Наполеонъ, въ своемъ сѣромъ сюртукѣ, въ невысокой трехугольной шляпѣ, и мрачно, но спокойно смотрѣлъ на текущую у ногъ его Москву-рѣку.

Шаговъ въ десяти отъ Наполеона, въ почтительномъ молчаніи стояли маршалы, генералы, адъютанты. Спустя немного времени Наполеонъ и свита его вышли изъ Кремля Тайницкими воротами и направились къ Каменному мосту. Когда они подошли къ угловой Кремлевской башнѣ, — вся Неглинная, Моховая и поперечныя улицы, благодаря сильному сѣверному вѣтру, представляли необозримо разлившійся пожаръ. Они повернули въ переулокъ, тамъ охватилъ ихъ та-

Наполеонъ передъ Москвой.

кой нестерпимый жаръ, что даже платье на нихъ задымилось, а кругомъ съ трескомъ рушились стѣны и потолки, валились желѣзные листы и полуобгорѣлыя доски. Груды кирпичей и горящихъ бревенъ преграждали имъ путь. Они шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, среди огненныхъ стѣнъ *). Переулокъ упиралъ въ пылавшій домъ. Выхода не было. Вдругъ въ дверяхъ дома, который заграждалъ имъ выходъ, появилось нѣсколько человѣкъ французскихъ грена-

*) Такъ говорить въ своихъ запискахъ очевидецъ—французскій генералъ Сегюръ.

деровъ. Спасайте императора! вскричалъ одинъ изъ маршаловъ, гренадеры побросали награбленныя вещи и провели Наполеона и его свиту сквозь огонь, на обширный дворъ, покрытый остатками догорѣвшихъ службъ. Итальянскіе егеря помогли имъ добраться до Арбата. Для Наполеона отыскали лошаденку и всё въ глубокомъ молчаніи доѣхали до Драгомиловскаго моста. Повернувъ направо, по теченію Москвы-рѣки, императоръ французовъ перебрался черезъ плавучій мостъ, близъ села Хорошево, проѣхалъ нѣсколько верстъ полемъ до петербургской дороги и занялъ Петровскій дворецъ.

Спустя три дня Наполеонъ возвратился въ Кремль; пожары почти прекратились; Москва представляла однѣ развалины.

Войско было утомлено и деморализовано, несмотря на грабежъ многіе нуждались даже въ необходимомъ платьѣ.

— Я думаю, сказала моя мать, Наполеонъ и самъ былъ не радъ что зашелъ такъ далеко; да ужъ дѣлать-то было нечего, не ждалъ онъ такого угощенья. Думалъ, чай, миръ почетный заключить, а тамъ торжества,—какъ ему часто удавалось.

— Не все коту масленица, возразила Петровна, — промахнулся. Онъ хитеръ, да и нашъ свѣтлѣйшій не промахъ. Не спроста впустилъ его въ Москву.

— Да, сказалъ мой отецъ, свѣтлѣйшій смотрѣлъ не въ оба, а видѣлъ далеко. Въ Москвѣ Наполеонъ понялъ, что дѣло его проиграно и уже не игралъ, а отыгрывался, какъ одинъ студентъ семинаристъ.

— Что это за исторія? спросилъ дядя, расскажи пожалуйста.

— Дѣло самое простое: студенты семинаріи, въ свободные часы, играли въ горку, одинъ изъ студентовъ проигрался до послѣдней копѣйки, онъ хотѣлъ отыграться и рискнулъ своимъ обѣдомъ. Въ обѣдъ имъ давали два бѣды: щи съ говядиной и кашу. Студентъ началъ играть на щи и

проигралъ. Въ отчаяніи пошелъ играть на кашу... Наполеонъ игралъ на кашу... проиграетъ—бѣда, отыграется, останется при своемъ, по пословицѣ: ходилъ ни почто, принесъ ничего.

— Гдѣ было отыгаться, сказала матушка, не то что войско, народъ поднялся: крестьяне съ вилами, съ топорами, отряды бабъ съ ухватами и кочергами. Всѣхъ разбирала охота драться.

— Точно, трудно было отдѣлаться — подтвердилъ дядя. Свѣтлѣйшій съ одной стороны, Витгенштейнъ—съ другой, народъ—со всѣхъ сторонъ. Сверхъ всего мы на своей сторонѣ, на одного убитаго явится десять живыхъ. А на чужбинѣ послѣдній рубль ставъ на карту. Онъ ужъ сталъ было подбираться къ миру, да Кутузовъ отклонилъ всѣ его предложенія.

— Мама, прервала я вдругъ общій разговоръ. Я помню сторѣвшую Москву, помню и бабушкина попугая и обезьяну. Обезьяна была одѣта въ полосатые шаровары и красную курточку, на головѣ красный колпакъ, сидѣла она въ дѣвичьей на широкой полкѣ, придѣланной къ выступу печки, задернутая занавѣской. Какъ только, бывало, подойдешь къ печкѣ, она тотчасъ выбѣжитъ изъ-за занавѣски и начнетъ визжать и дѣлать такіе прыжки и гримасы, что нельзя не смѣяться. А попугай сидѣлъ въ бронзовой клѣткѣ въ залѣ и когда кто нибудь проходилъ мимо него—кричалъ: дуракъ!

— Мы были въ Москвѣ по возвращеніи въ нее нашихъ родныхъ, сказала матушка, и останавливались у бабушки въ Бронной. Къ удивленію, домъ бабушки среди всеобщаго пожара уцѣлѣлъ. Онъ стоялъ во дворѣ. Съ одной стороны примыкалъ къ большому саду, задней стороной къ дому выходившему на Тверской бульваръ, противъ—Броннинскій переулокъ.—Какъ это вы сохранили домъ, спрашивала я Сидора Минаича—да горѣтъ-то кругомъ его было нечему, отвѣчалъ старикъ, онъ же и не на виду,—переулокъ глухой, напротивъ огородъ, и съ того все повы-

таскано: а вотъ въ сторонѣ отъ нашего дома, огромный домъ Анны Николаевны Неклюдовой, да дома по Тверскому бульвару, тѣ выгорѣли до тла.

— Мама, сказала я, вѣдь я каждый день видѣла домъ Неклюдовой изъ оконъ дома бабушки—развалина,—громада!

— Такъ и не тревожили васъ французы, спрашивала я Сидора, продолжала матушка. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, разъ потревожили. Въ началѣ никто не заглядывалъ, ворота мы заперли, домъ заколотили, онъ же невзраченъ, сами не казались, дворъ даже травой поросъ, только и живаго, что двѣ желтыя, лохматыя собаки лежали на каменномъ крыльцѣ и ждали подачки. А вотъ когда вашъ дядинька, просбиравшись, засѣлъ было въ Москвѣ, да съ Тверскаго бульвара, изъ загорѣвшаго дома перебрался къ намъ, то была бѣда. Во дворѣ стояли его экипажи и лошади, комнаты я ему раскрылъ. Только что они помѣстились, какъ во дворъ вѣхалъ французскій драгунъ и хотѣлъ взять одну лошадь. Платонъ стремглавъ бросился къ лошади, уцѣпился за поводья и кричить: „лошадь наша, не дамъ“. Драгунъ погрозилъ ему пистолетомъ. Дядюшка вашъ открылъ окно, кричить Платону,—оставь лошадь, не твое дѣло. Куда! Платонъ выхватилъ саблю, да какъ хватить француза по головѣ, драгунъ покачулся, онъ его еще хватилъ, ну думаемъ, бѣда—увидятъ товарищи, не сдобровать и намъ. Стащили мы скорѣй француза съ лошади и сволокли въ творило. Лошадь его стоитъ ни съ мѣста, только бьетъ копытомъ. Наши люди заперли ее въ конюшню, должно быть сгорѣла тамъ. Конюшня наша была старая, деревянная, прилегала къ надворнымъ строеніямъ бульвара. Домъ Господь миловаль, только стѣны закоптѣли.

— Должно быть, замѣтилъ дядя, это первый французъ погибшій въ Москвѣ. А ходилъ ли старикъ на пожары?

— Какъ же, каждый день съ Платономъ ходили отвѣчала матушка, только больше издали смотрѣли. Страсть говорить—сплошь пламя. Должно быть, свои жгли.

— Чѣмъ же вы питались? спрашивала я Минаича. Недо-

статка не было, отвѣчалъ старикъ. Бывало Платонъ всего натащить, что лавокъ стояло разбитыхъ! цвѣточный чай, кофе, сахаръ выброшены на полу, тамъ валяются финики, винныя ягоды, миндаль, тутъ сыръ, крупа разная.

Такъ они и прожили до выхода непріятеля изъ Москвы. Бабушка, возвратившись въ Москву, нашла домъ въ томъ же порядкѣ, какъ и оставила, и прежняя глубокая тишина водворилась въ немъ. Неслышными шагами ходятъ сѣдые слуги и два казачка. Чинныя горничныя, въ большихъ бѣлыхъ чепцахъ, дѣлаютъ доклады, едва шевеля губами, даже посѣтители ходятъ тихо, говорятъ тихо, чтобы не беспокоить бабушку. Временами это безмолвіе странно прерывается визгомъ обезьяны или дикимъ крикомъ попугая да боемъ нѣсколькихъ часовъ, которые звенятъ на разные тоны послѣдовательно другъ за другомъ.

— Мама приказывала и мнѣ входить къ бабушкѣ на ципочкахъ, сказала я, обращаясь къ дядѣ. Я такъ и вошла, бабушка сидѣла на зеленомъ штофномъ диванѣ и приказала мнѣ прежде всего три раза поклониться въ землю передъ кѣтомъ, гдѣ сіяло много образовъ и горѣла лампадка, потомъ подозвала къ себѣ, дала поцѣловать ручку, погладила по головѣ, да приподняла мнѣ повыше голову, посмотрѣла мнѣ въ лицо, усмѣхнулась и сказала:

— Танюшка!

— Родные и знакомые очень уважаютъ княжну, продолжала матушка, и часто посѣщаютъ ее, въ праздники дарятъ ей бездѣлицы—она забавляется ими и отдаетъ дѣтямъ. Въ то время, что мы провели у бабушки, я много слышала рассказовъ отъ очевидцевъ о пребываніи въ Москвѣ Наполеона и о его выходѣ изъ нее. А въ домѣ дядюшки видала и генераловъ, возвратившихся съ поля битвы. Многіе изъ нихъ были его прежніе товарищи. Чаше всего встрѣчала тамъ двухъ братьевъ Бахметьевъ и Милорадовича.

— Милорадовича и я знаю и очень люблю, вмѣшалась я. Когда меня оставляли у Саши, мы съ нимъ цѣлые ве-

вчера слушали Милорадовича о войнѣ, его рассказы мнѣ нравились гораздо больше рассказовъ Сидора Минаича. Милорадовичъ говорилъ весело, скоро, смѣялся громко, давалъ намъ съ Сашей играть орденами своими, сажалъ къ себѣ на колѣни, часто слушая его я засыпала за его спиной на диванѣ.

— Да, сказалъ дядя, все еще полно этимъ временемъ; и вездѣ оно еще живо.

— Не многимъ такъ посчастливилось какъ бабушкѣ, у большей части не только что дома и все добро въ Москвѣ погорѣло, сказалъ батюшка. Графъ Растопчинъ увѣрилъ жителей, что бояться нечего, никто и нетрогался, да вдругъ Наполеонъ подѣ Москвой. Разомъ поднялись все повозокъ, лошадей не хватало, все побросали. Когда непріятель вступилъ, Москва была какъ полная чаша дорогихъ вещей, провіанта, оружія и несмѣтныхъ богатствъ. Французы бросились грабить, да не на долго досталось, пожаръ разомъ прекратилъ. Много нашего добра погибло въ огнѣ, потерпѣли и французы.

— А этимъ временемъ, началъ дядя, нашъ свѣтлѣйшій съ рязанской дороги повернулъ на калужскую и сталъ подѣ Тарутинымъ. Послѣ сраженія подѣ Бородинымъ и занятіемъ непріателемъ Москвы, это самое важное движеніе русскаго войска, оно называется фаланговымъ маршемъ. Французы потеряли насъ изъ вида, Наполеонъ и долго розыскивалъ нашу армію по разнымъ дорогамъ и велѣлъ найти Кутузова, а самъ укрѣплялъ Кремль, дѣлалъ смотры войску, открылъ театръ, распорядился по Москвѣ и составлялъ планы войны по Россіи. Въ продолженіи мѣсяца, что наша армія стояла подѣ Тарутинымъ, а французская грабила — оба войска измѣнились въ силѣ духа и въ количествѣ. Въ Тарутинѣ было изобиліе провіанта, войско отдохнуло, пополнилось. Графъ Платовъ привелъ съ Дона полки казаковъ, комплектовалась армія ополченцами. Нѣкоторые изъ военныхъ просили дать имъ по отряду казаковъ, къ нимъ приставали мѣщане, крестьяне, дворовые, воору-

женные чѣмъ попало. Начальники ихъ называли партизанами.

— Почему это они, дядя, назывались партизанами?

— Потому что они нападали въ одиночку и уничтожали непріятельскую армію по частямъ. Такого рода война называется партизанской. Наши извѣстные партизаны: Сеславинъ, Фигнеръ, Давыдовъ. Эти партизанскіе отряды помогали арміи, они забирали въ плѣнъ непріятелей и нерѣдко перехватывали гонцовъ.

— Ну, замѣтилъ мой отецъ, Наполеону не очень-то ладно приходилось въ Москвѣ. Благотворительные его планы не удавались, а голодомъ да болѣзнями войска его погибло до 20 тысячъ.

— Вотъ тутъ-то онъ и рѣшился просить мира и послалъ въ Тарутинскій лагерь къ Кутузову Лористона съ письмомъ.

Въ письмѣ Наполеонъ спрашивалъ, на какихъ условіяхъ императоръ Александръ согласится покончить войну и заключить миръ.

Прочитавши письмо свѣтлѣйшій сказалъ:

„Какъ покончить войну, да она только началась; а если бы я теперь заговорилъ о мирѣ, меня бы проклялъ мой народъ“. И просилъ Лористона передать это его императору.

Этотъ отвѣтъ заставилъ задуматься Наполеона и приготовляться къ выступленію. Исполненіе этого намѣренія ускорило событіе съ Мюратомъ. Наполеонъ послалъ его изъ Москвы съ 25 тысячнымъ корпусомъ разузнать о нашей арміи и о распоряженіяхъ Кутузова. Наши партизаны наткнулись на его корпусъ, стоявшій безъ предосторожности и сообщили Кутузову. Свѣтлѣйшій сдѣлалъ распоряженія, и наши отправились въ темную ночь, тихо, таинственно, даже не брякая оружіемъ, врасплохъ напали на корпусъ Мюрата, едва не захватили его самого, взяли много плѣнныхъ, орудій, знаменъ и весь багажъ. Это сраженіе обличило слабость французовъ, а наши перешли отъ отступленія къ наступленію.

Наполеонъ, готовясь оставлять Москву, дѣлалъ смотръ гвардіи, какъ прискакалъ гонецъ и сообщилъ, что Мюратъ разбить на голову подъ Тарутинымъ.

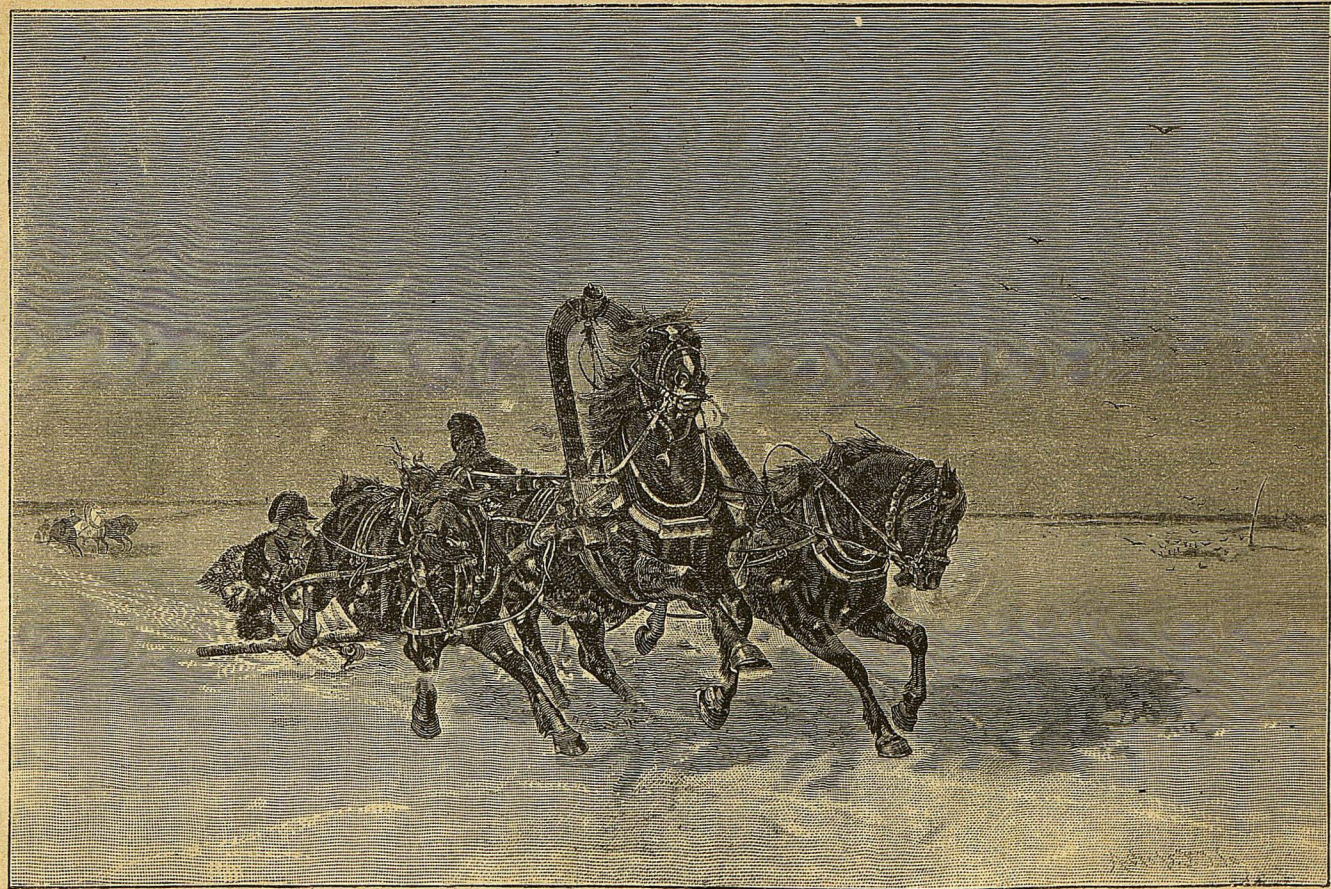
Наполеонъ былъ такъ пораженъ этимъ, что на другой же день выступилъ изъ Москвы. Это было 7-го октября.

— Да, такъ заторопился, сказалъ мой отецъ, что позабылъ свои бумаги на столѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ; и съ досады велѣлъ снять крестъ съ Ивана Великаго да взорвать Кремль. Многіе изъ нашихъ видѣли какъ выходили французы. Кромѣ гвардіи, всѣ были изнурены и ободраны. Къ счастію ихъ погода все время стояла тихая, ясная, съ легкими морозцами; только чувствовалась живительная свѣжесть, и на всемъ лежалъ какой-то хрустальный блескъ.

Еще съ ночи началось движеніе выступавшей французской арміи. Укладывались воза, слышался говоръ, и безконечные ряды войскъ и обозовъ, какъ бы выплывая изъ разныхъ улицъ, потянулись мимо Нескучнаго сада по калужской дорогѣ—точно шумное море.

— Между тѣмъ, въ Тарутинскомъ лагерѣ, сказалъ дядя, получено было извѣстіе, что въ Ооминскомъ, близъ Малоярославца показалась дивизія Брусье. Свѣтлѣйшій отправилъ туда небольшой отрядъ, подъ начальствомъ Дохтурова. Пройдя полпути, Дохтуровъ остановился въ селѣ Аристовѣ, тамъ отъ одного плѣннаго онъ узналъ, что Наполеонъ со всей своей арміей ушелъ изъ Москвы и входитъ въ Ооминское. Узнавши это, Дохтуровъ тотчасъ же отправилъ къ свѣтлѣйшему толковаго офицера Болховитенова съ полученными имъ извѣстіями и просилъ его распоряженій.

Несмотря ни на темную ночь, ни на грязную дорогу отъ сильныхъ дождей, Болховитеновъ въ полтора часа прискакалъ въ Леташовку, гдѣ находился свѣтлѣйшій и главный штабъ. Онъ разбудилъ дежурнаго генерала Коновницына и Толя, сообщилъ имъ важность дѣла и просилъ немедленно разбудить фельдмаршала. Кутузовъ не спалъ. Онъ лежалъ,

ВЫѢЗДЪ НАПОЛЕОНА ИЗЪ РОССИИ,

опустивъ голову на руку, и думаль. Услышавъ шаги въ сосѣдней комнатѣ—онъ окликнулъ:

— Кто тамъ, войди, что новенькаго? Пока зажигали свѣчу, Толь сообщилъ полученное извѣстіе.

— Кто привезъ? спросилъ Кутузовъ, вѣрно ли?

— Вѣрно, ваша свѣтлость.

— Позови, позови сюда.

Когда Болховитеновъ вошелъ, Кутузовъ сидѣлъ спустя одну ногу съ постели, всматривался въ посланнаго, и стараясь читать въ чертахъ лица его—говорилъ:

— Скажи, скажи, дружокъ, какія новости? Подойди, подойди поближе, какія вѣсточки привезъ мнѣ? А? Наполеонъ изъ Москвы ушелъ?

Болховитеновъ сталъ подробно докладывать, какъ было приказано.

— Говори, говори скорѣй, не томи душу, перебилъ его Кутузовъ.

Разсказавши все, Болховитеновъ замолчалъ.

Толь хотѣлъ было говорить, Кутузовъ махнулъ на него рукой, повернулся къ красному углу, гдѣ были образа, сложилъ руки и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

„Господи, Создатель мой! внялъ Ты молитвѣ нашей „спасена Россія!“ Благодарю Тебя, Господи!“

И онъ заплакалъ.

Т. Лассекъ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

Забавой онъ людей исправилъ;
Сметая съ ихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта наша былъ.
И не забудутъ этой были
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

К. П. Вяземскій.

ВО ВРЕМЯ Пугачевского бунта, при осадѣ Яицкаго городка, комендантъ крѣпости Симоновъ и капитанъ Крыловъ заперлись въ стѣнахъ крѣпости съ тысячею вѣрныхъ солдатъ и на всякія попытки и предложенія бунтовщиковъ отвѣчали изъ пушекъ и изъ ружей, и все болѣе и болѣе очищали окрѣпость отъ строеній и домовъ... Осажденные ждали помощи изъ Оренбурга... Мятежники ждали самого Пугачева, чтобы справиться съ крѣпостью.

Въ городѣ, на улицахъ, на площадяхъ и въ домахъ шло пьянство, драки, казни, неурядица. Въ стѣнахъ крѣпости не досыпали ночей, не доѣдали обѣдовъ и ужиновъ, не доставляли службы церковныя... При первомъ звукѣ призыва—всѣ, отъ мала до велика, кидались на валы и батареи, ради обороны и спасенья. Пощады нельзя было ждать. Осажденнымъ давно уже передали слова Пугачева.

— Возьму фортецію—всѣхъ передавлю, отъ стараго до малаго. Теля и порося—и тѣхъ повѣшу!

Когда выдавался день, что пушки затихали, потому что главные мятежники или успокоивались, или отлучались из города, то въ столовой комендантова дома сходилось все общество помечтать о скоромъ освобожденіи. Тутъ былъ комендантъ Симоновъ, добрый и мягкій человѣкъ, уже не молодой; капитанъ Крыловъ, душа общества, любимецъ гарнизона и надежда всѣхъ. Рѣшительный, энергичный, огневой человѣкъ въ минуту опасности, веселый шутникъ и говорунъ во дни спокойствія, когда пушки молчали.

— Когда собаки не лаютъ! какъ выражался онъ.

Крыловъ одинъ спасъ всѣхъ, когда бунтовщики бросились на нихъ и когда Симоновъ оробѣлъ и растерялся. Крыловъ же окопался въ одну ночь и далъ первый отпоръ первымъ попыткамъ мятежниковъ. Онъ же поддерживалъ во всѣхъ надежду на избавленіе и тѣшилъ всѣхъ своими шутками и прибаутками.

— Я вѣдь не себя упасти и не васъ ухищряюсь и не чаю тожъ заслужить награду, говорилъ онъ. Вы мнѣ аль крестиска, тѣфу! а я вотъ кого берегу!... И онъ указывалъ на розовенькаго, пятилѣтняго ребенка, своего сына. Ванюша Крыловъ былъ всеобщій любимецъ.

— Когда твое рожденье-то? спрашивалъ капитанъ сына... 2-го числа!... Тебѣ что подарить, а?

— Пушку, молвилъ ребенокъ.

— Я бъ тебѣ Емельянову голову подарилъ.

— Зачѣмъ? не хочу... Ну лосадку...

— Голова-то, сынку, десять тысячъ нынѣ стоитъ, коли ее продать парицѣ. Разбогатѣли бы мы съ тобой. Поѣхали бы жить въ столицу, наукамъ обучаться, въ пансіонѣ какомъ нѣмецкомъ.

Въ день рожденія Вани, въ крѣпости завтракали человѣкъ 15 гостей. Всѣ были грустны и молчаливы. Одинъ новорожденный весело игралъ съ калмыкомъ въ углу горницы, они шушукались и строили домикъ изъ палочекъ.

— Который годокъ-то пошелъ тебѣ, Ванюша? отъ нечего дѣлать въ сотый разъ спрашивали ребенка гости.

— Семей, отвѣчалъ онъ сначала, наконецъ ему надоѣли и онъ отвѣтилъ по татарски. Всѣ разсмѣялись, но будто сдѣлавъ что-то неприличное, смолкли еще угрюмѣе. Причина этого унынія была та, что Симоновъ узналъ о большомъ числѣ прибывшихъ казаковъ и навезенныхъ орудій—объявилъ, что скоро имъ всѣмъ конецъ будетъ. Крыловъ же обнадеживалъ и ободрялъ. *)

Маленькій Ваня родился въ Москвѣ 2-го февраля 1768 г. Отецъ его Андрей Прохоровичъ Крыловъ во времена Пугачевского бунта, по обязанностямъ службы принужденъ былъ отправиться въ Оренбургъ со всѣмъ своимъ семействомъ, а потомъ въ Яицкую крѣпость. Въ своей исторіи Пугачевского бунта, Пушкинъ говоритъ: „Къ счастью въ крѣпости находился капитанъ Крыловъ, человекъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ необходимыя распоряженія“. Далѣе Пушкинъ прибавляетъ: „Пугачевъ поклялся повѣсить не только Крылова, но и все его семейство. Такимъ образомъ былъ обреченъ смерти и сынъ его, четырехлѣтній ребенокъ, впоследствии славный Крыловъ.“

Въ 80 годахъ прошлаго столѣтія пріѣхала въ Петербургъ вдова Андрея Прохоровича Крылова, незадолго передъ тѣмъ умершаго въ Твери.

Ей хотѣлось пристроить куда нибудь на службу своего единственнаго 14-лѣтняго сына и кромѣ того похлопотать о пенсіи. На этомъ ребенкѣ сосредоточились вся ея любовь и надежды. Мать сама выучила Ваню грамотѣ и старалась пріохотить его къ чтенію. Умственные способности развивались въ немъ замѣтно.

Французскому языку онъ ходилъ учиться въ Твери къ французскому гувернеру, жившему въ домѣ тверскаго губернатора. Въ то же время дома онъ съ помощью лексикона ста-

*) Изъ историческаго романа гр. Саліаса „Пугачевцы“.

рался понимать прочитанное, но никогда не заботился хорошо говорить по французски.

Въ немъ рано развилась страсть къ чтенію. Послѣ отца его осталось много книгъ, которыя онъ безъ разбора перечитывалъ; въ дѣтской головѣ его, наполненной героями древней Греціи и Рима, составлялись разные планы театральныхъ пьесъ, и вотъ на 15 году онъ пишетъ свою оперу „Кофейница“ частью прозой, частью стихами.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Крыловъ продалъ эту пьесу одному книгопродавцу за 60 руб. ассигнаціями и на эти деньги купилъ себѣ сочиненія Мольера, Расина и Буало. Это было основаніемъ его библіотеки и руководствомъ для будущихъ трудовъ. Мольеръ и Буало произвели на него сильное впечатлѣніе, и возбудили въ немъ способность замѣчать смѣшныя стороны во всемъ, что его окружало.

Спустя нѣсколько времени, Иванъ Андреевичъ получилъ мѣсто съ небольшимъ жалованіемъ и свелъ литературныя знакомства.

20-ти лѣтъ онъ лишился матери, о которой даже въ старости вспоминалъ съ сердечнымъ умиленіемъ.

Въ 1789 году Крыловъ вошелъ въ товарищество съ держателемъ типографіи Рахманиновымъ и сталъ печатать свой журналъ „Почта Духовъ“. Журналъ этотъ существовалъ только 8 мѣсяцевъ. Черезъ два года онъ сталъ издавать журналъ „Зритель“, его смѣнилъ „Меркурій“. Всѣ эти журналы представляли въ смѣшномъ видѣ нравы тогдашняго общества и стремились ихъ исправить.

Въ „Меркуріѣ“ Крыловъ помѣщалъ иногда свои стихотворенія, въ нихъ отразились нѣкоторыя черты изъ жизни самого автора. Изъ нихъ видно было, что ему нравилась одна молодая дѣвушка:

„Ты красотъ не покупаешь, говоритъ онъ, обращаясь къ ней, въ баночкахъ большой цѣной, и природѣ лишь одной тѣмъ должна, чѣмъ ты плѣняешь... Ты притворство ненави-

дишь, нужды въ немъ себѣ не видишь. И къ чему тебѣ оно? Все судьбой тебѣ дано. У тебя, мой другъ, не въ модѣ съ сердцемъ быть глазамъ въ разводѣ; ты открыта; твой языкъ къ хитрой лести непривыкъ. Плачешь ты или хохочешь, не тогда, когда захочешь, но какъ сердце то велитъ. Съ нимъ всегда были согласны голосъ твой, глаза и видъ—оттого они прекрасны“.

Иногда къ самому себѣ онъ относился въ своемъ обыкновенномъ, шутиломъ тонѣ:

Нерѣдко милымъ быть желая,
Я передъ зеркаломъ верчусь,
И женскій вкусъ къ ужимкамъ зная,
Ужимкамъ ловкимъ ихъ учусь.
Лицомъ различны строю маски,
Кривляю носъ я, губы, глазки—
И, испугавшись самъ себя,
Ворчу, что вялая природа
Не доработала меня
И такъ пустила какъ урода.
Досада сильная беретъ,
Почто я выпущенъ на свѣтъ
Съ такою грубой головою.
Забывшись, рокъ я поношу
И головы другой прошу.

Крыловъ не столько нуждался въ другой головѣ, сколько въ томъ, чтобы причесывать ту, которая была у него на плечахъ. Отъ самой ранней молодости онъ не обращалъ вниманія на свой туалетъ даже до неряшливости. Вотъ что онъ говорить о себѣ:

Суеть бывало ненавидя,
Въ тудупѣ лѣтомъ дома сидя,
Чиновъ я пышныхъ не искалъ—
И счастья въ томъ не полагалъ,
Чтобъ въ низкомъ важничать народѣ;
Въ прихожихъ ползать не ходилъ
Мнѣ чинъ одинъ лишь лестенъ былъ
Который я носилъ въ природѣ—
Чинъ челоуѣка.

Въ 1794 году была поставлена на сцену его новая комедія „Сочинитель въ прихожей“. Какъ эта, такъ и двѣ другія его пьесы, игранныя на театрѣ, были неудачны. Драматическій родъ ему не давался.

Послѣ того Крыловъ ничего не писалъ въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ.

Часть этого времени онъ провелъ въ домѣ князя Голицына. Вмѣстѣ съ его семействомъ переѣзжалъ онъ изъ саратовскаго имѣнія ихъ—Зубриловки, въ кievское—Казацкое. По дружбѣ съ княземъ, онъ занимался русскимъ языкомъ съ дѣтьми и съ его воспитанникомъ, впослѣдствіи извѣстнымъ Вигелемъ.

Въ деревнѣ Голицына собирался иногда кружокъ извѣстныхъ людей того времени. Крыловъ особенно сошелся съ Державинымъ и сохранилъ съ нимъ хорошія отношенія всю жизнь.

Когда Голицынъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Ригу, Крыловъ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ его секретаря, но вскорѣ увлекся разсѣянной жизнью, пристрастился къ карточной игрѣ и уѣхалъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ во время ярмарки шла большая игра, тамъ ему удалось выиграть довольно значительную сумму. Потому ли, что онъ этого только и желалъ, или надоѣло ему повтореніе однихъ и тѣхъ же ощущеній—играть онъ пересталъ, принялся за литературу и перевелъ съ французскаго языка три басни: „Разборчивая невѣста“, „Старикъ и трое молодыхъ“ и „Дубъ и трость“.

Онъ попросилъ Дмитріева сказать свое мнѣніе объ этихъ басняхъ. Дмитріевъ сразу оцѣнилъ замѣчательный талантъ автора, убѣждалъ его идти по этому пути и предсказалъ блестящій успѣхъ.

Басни его то переводныя, то оригинальныя стали появляться одна за другой; каждая изъ нихъ встрѣчалась съ востор-

гомъ. Въ 1808 г. вышло въ Петербургѣ первое изданіе этихъ басенъ въ количествѣ 23.

Въ каждомъ изъ слѣдующихъ изданій ихъ появлялось все болѣе и болѣе. Слава талантливаго писателя воскресла съ полной силой. Въ лучшихъ кружкахъ общества Крыловъ былъ любимымъ гостемъ. Особенно близко сошелся онъ съ семействомъ извѣстнаго Алексѣя Николаевича Оленина, въ домѣ котораго собирались всѣ литературныя знаменитости. Оленинъ и жена его, женщина добрая и умная, полюбили его какъ роднаго и называли „Крылышкомъ“. Онъ проводилъ у нихъ цѣлые дни, по домашнему. Всѣ привыкли къ нему, соображались съ его вкусами, знали, что онъ любить сытно поѣсть, хорошо поспать и не стѣснять себя костюмомъ. По поводу его неряшливости сохранился очень характерный анекдотъ. Разъ онъ получилъ приглашеніе ѣхать въ маскарадъ во дворецъ. Крыловъ, всегда высоко цѣнившій царское вниманіе, не любилъ, когда нарушался его покой. Онъ сидѣлъ въ спокойномъ креслѣ, у Оленина, послѣ сытнаго обѣда, сердитый, угрюмый. Его любимица, дочка Оленина, подошла его развлечь.—Что ты такой скучный, дѣдушка? спросила она.—Да вотъ, надо въ маскарадъ собираться, костюмъ себѣ придумывать, проворчалъ онъ.—Знаешь что, дѣдушка?.. Ты умойся, побрейся, одѣнься почище, да такъ и поѣзжай, никто тебя тогда не узнаетъ, предложила дѣвочка. Крыловъ развеселился и хотя не послѣдовалъ ея совѣту, но остался очень доволенъ находчивостью своего маленькаго друга. Вслѣдствіе такого образа жизни Иванъ Андреевичъ сильно толстѣлъ и все болѣе и болѣе привыкалъ къ неподвижности.

Въ 1812 году въ Петербургѣ была открыта императорская публичная библіотека. Оленина назначили директоромъ, Крылова—однимъ изъ библіотекарей. Ему дана была казенная квартира въ самомъ зданіи библіотеки. Императоръ Александръ назначилъ ему сверхъ жалованія по 1,500 рублей ежегодно за его литературныя заслуги. Крыловъ, довольный

своимъ положеніемъ, большею частію былъ въ отличномъ состояніи духа. Это отразилось и въ его басняхъ, въ нихъ никогда не прорывается горькая нота человѣка, страдающаго за себя и за другихъ.

Новыя произведенія Крылова читались съ удивленіемъ и распространялись чрезвычайно быстро. Отдѣльныя выраженія становились поговорками. Языкъ былъ простъ, отъ него вѣяло русскимъ народнымъ духомъ.

Слогъ Крылова и до сихъ поръ свѣжъ и своеобразенъ. Басни: „Два мужика“, „Крестьянинъ и Работникъ“, „Три мужика“, „Демьянова уха“. написаны такъ живы, будто слышишь говорящихъ.

Содержаніе многихъ басенъ взято у Лафонтена и Эзопа; но не смотря на это на нихъ лежитъ отпечатокъ самобытности.

Особенно хорошее впечатлѣніе производили басни Ивана Андреевича, когда онъ читалъ ихъ самъ. На всѣхъ литературныхъ вечерахъ его появленія ждали съ удовольствіемъ. Въ то время собиралось литературное общество, подъ названіемъ „Бесѣда“, на которыхъ приходилось часто скучать, слушая чтеніе плохихъ произведеній. Разъ въ одно изъ такихъ собраній читалось что-то очень длинное и скучное, всѣ утомились до крайности. Тогда поднялся Крыловъ, вынулъ изъ кармана скомканный листокъ, и началъ читать „Демьянова Уха“. Собраніе мгновенно оживилось, услышавъ своего любимца, и всѣ поняли, на что мѣтила эта басня. Особенно сочувственно было встрѣчено окончаніе:

Писатель, счастливъ ты,
Коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать
Во время не умѣешь,
То вѣдай, что твои
И проза, и стихи
Тошнѣ будутъ всѣмъ
Демьяновой ухи.

Происхожденіе многихъ басенъ Крылова извѣстно. Рассказываютъ, какъ какой-то господинъ попросилъ Ивана

Андреевича что нибудь прочесть ему. Тотъ исполнилъ его желаніе. „Не дурно, замѣтилъ слушатель, желая показать себя знатокомъ; но отчего вы не пишете такъ, какъ Дмитріевъ“?— Не умѣю, скромно отозвался Крыловъ, и написалъ басню „Осель и Соловей“.

Въ „Лжецѣ“ онъ вывелъ, говорятъ, какого-то помѣщика изъ приволжскихъ губерній, который непомѣрно хвастался своимъ хозяйствомъ и рассказывалъ чудеса о величинѣ въ Волгѣ рыбъ.

1812 годъ, который отозвался въ трудахъ большинства писателей того времени, не могъ не отозваться и въ басняхъ Крылова. Въ баснѣ „Ворона и Курица“ онъ указываетъ на французовъ въ Россіи, а „Волкъ на псарнѣ“ комично и вѣрно рисуетъ какъ Наполеонъ, попавши въ Москву, пробовалъ начать переговоры.

Кутузовъ читалъ эту басню въ кругу военныхъ, и когда сказалъ: ты сѣрѣ, а я, пріятель, сѣдѣ! приподнялъ фуражку— раздалось всеобщее ура! Въ этой баснѣ какъ хитрый ловчій Кутузовъ показалъ, что понимаетъ уловку Наполеона. Въ баснѣ „Щука и Котъ“ Крыловъ олицетворилъ неудачу адмирала Чичагова, который прославилъ себя нѣсколькими морскими побѣдами во время турецкой войны и потерпѣлъ неудачу въ сраженіи подъ Березиною. Басня заканчивается словами:

И дѣльно! это щука тебѣ наука—
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить!

Въ басняхъ „Воспитаніе Льва“, „Кукушка и Горлинка“, „Бочка“ проводится мысль, что родители сами должны заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей.

Талантъ Крылова высоко цѣнили не только русскіе, но и иностранцы. Басни его, особенно тѣ, въ которыхъ было болѣе національной прелести, переводились на всѣ иностранные языки. Императоръ Николай въ числѣ подарковъ на новый годъ наслѣднику прислалъ и бюстъ Крылова. А затѣмъ по повелѣнію государя пенсія Крылова бывшая въ 3,000 рублей

была удвоена „въ уваженіе заслугъ, оказанныхъ имъ отечественной словесности“. Во всѣ остальные годы жизни Крылова отношенія его къ царскому семейству были самыя теплыя.

Служащіе въ публичной библіотекѣ чрезвычайно тяготились своимъ дежурствомъ, но Иванъ Андреевичъ въ свое дежурство преспокойно усаживался съ ногами на диванъ и читалъ глупѣйшіе романы. Должность свою онъ исполнялъ добросовѣстно и особенно усердно хлопоталъ, когда опредѣлился къ нему въ помощники баронъ Дельвицъ, безпечный поэтъ и безпечный чиновникъ. Домашняя жизнь Крылова была очень проста, онъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ; никому въ домѣ не приходило на мысль смести пыль съ мебели и съ другихъ вещей. Три чистыя комнаты выходили окнами на улицу, средняя была зала, боковая налѣво оставалась безъ употребленія, въ угольной, выходящей на Невскій проспектъ, за перегородкой стояла кровать Ивана Андреевича, а въ свѣтлой половинѣ онъ постоянно сидѣлъ передъ столикомъ на диванѣ. У Крылова не было ни кабинета, ни письменнаго стола, даже трудно было отыскать бумагу съ чернильницей и перомъ. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ садиться, но опрятно одѣтый гость не зналъ гдѣ бы выбрать такое мѣсто, чтобы не запачкаться. Крыловъ любилъ курить сигару, при разговорѣ она поминутно гасла, онъ звонилъ, изъ кухни черезъ залу приходила дѣвочка, иногда съ пѣсенкой, дочь единственной его прислуги—кухарки. Она приносила безъ подсвѣчника тоненькую восковую свѣчку, капала на столъ воску и прилѣпляла свѣчу передъ неприхотливымъ своимъ господиномъ. Форточка въ залѣ была почти всегда отворена. Крыловъ бросалъ по обѣ стороны окна зерна и привадилъ къ себѣ изъ Гостиного двора голубей такъ, что они привыкли у него жить, какъ на улицѣ. На столахъ, на этажеркахъ, на разныхъ вещахъ, вездѣ были видны слѣды пребыванія этихъ гостей баснописца.

Утромъ Крыловъ вставалъ довольно поздно, часто при-

атели находили его въ постели часу въ 10-мъ, иногда онъ такъ и оставался разговаривая, или съ романомъ въ рукахъ до того часу, какъ надо было ѣхать въ англійскій клубъ обѣдать. Тамъ, продремавши нѣсколько времени послѣ обѣда, заѣзжалъ къ Оленину или возвращался домой. Съ посторонними посѣтителями онъ обращался очень вѣжливо, не любилъ спорить и машинально соглашался со всѣмъ.

Въ разговорѣ онъ былъ радушенъ, искренно и привѣтливо отвѣчалъ на вопросы. Разъ одна знакомая, съ которой Крыловъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, спросила у него: проявлялся ли у него въ дѣтствѣ его геній? Крыловъ отвѣчалъ: „И, матушка, я былъ дитя, какъ и всѣ, игралъ, рѣзвился, учился не отлично, иногда даже меня и сѣкали“.

Лѣто Крыловъ проводилъ больше въ городѣ, нежели на дачѣ и только иногда недѣли двѣ гостилъ у Олениныхъ, въ ихъ Пріютинѣ. Часто приглашала его къ себѣ въ Павловскъ вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна и всегда оказывала ему расположеніе.

Въ Павловскѣ онъ написалъ свою прелестнѣйшую басню „Василекъ“ въ одномъ изъ альбомовъ, которые разложены были въ Розовомъ павильонѣ.

Въ этой баснѣ описывается благотворное дѣйствіе солнца, оживляющаго всю природу, которое при этихъ заботахъ не забываетъ и бѣднаго полеваго цвѣтка. Онъ сравниваетъ вдовствующую императрицу съ солнцемъ, а себя съ полевымъ цвѣткомъ.

ВАСИЛЕКЪ.

Въ глуши расцвѣтшій василекъ

Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины

И, голову склоня на стебелекъ,

Уныло ждалъ своей кончины.

Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:

„Ахъ если-бы скорѣе день насталъ,

И солнце красное поля здѣсь освѣтило:

Быть можетъ, и меня оно бы оживило“!

— „Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!“

Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:

„Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,

И вянешь ты, или цвѣтешь?

Повѣрь, что у него ни время, ни охоты на это нѣтъ.

Когда-бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,

То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы

Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:

Оно своею теплотой

Огромные дубы и кедръ согрѣваетъ,

И удивительною красотой

Цвѣты душистые богато убираетъ;

Да только тѣ цвѣты

Совсѣмъ не то, что ты:

Они такой цѣны и красоты,

Что само время ихъ жалѣя коситъ;

А ты ни пышенъ, ни пахучъ;

Такъ солнца ты своей доукою не мучь!

Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,

И добиваться ты пустаго перестань,

Молчи и вянь!“

И солнышко взошло, природу освѣтило,

По царству флорину разсыпало лучи

И бѣдный василекъ, завянувшій въ ночи,

Небеснымъ взоромъ оживило.

* * *

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ

Высокій санъ!

Вы съ солнца моего примѣрь себѣ берите!

Смотрите:

Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно

Былинкѣ-ль, кедру ли—благотворитъ равно,

И радость по себѣ, и счастье оставляетъ;

Зато и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,

Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрустальныхъ,

И все его благословляетъ.

Однажды, за обѣденнымъ столомъ у императрицы, поэтъ Капнистъ шепнулъ Крылову: „Ты ѣшь за десятерыхъ, откажись хоть отъ одного блюда. Развѣ не замѣтаешь, го-

сударыня поминутно на тебя взглядываетъ, желая поподчивать?“— „Ну а если не попотчуетъ? — отвѣчалъ Крыловъ и продолжалъ угощать себя.

Крылову особенно было весело, когда друзья его и близкіе знакомые на званномъ обѣдѣ или ужинѣ приготавливали для него его любимыя русскія кушанья.

Когда Крыловъ еще служилъ въ библіотекѣ, то по пятницамъ литераторы собирались по вечерамъ у А. А. Перовскаго, гдѣ всегда подавался ужинъ. Садились за ужинъ немногіе, въ числѣ ихъ и Крыловъ. Разъ, во время толковъ о привычкѣ къ ужину, Крыловъ, накладывая себѣ на тарелку кушанье, промолвилъ: — А я, какъ мнѣ кажется, отвыкну ужинать въ тотъ день, какъ перестану обѣдать.

2-го февраля 1838 года Крылову исполнилось 70 лѣтъ. Всѣ литераторы захотѣли отпраздновать юбилей знаменитаго русскаго баснописца. Предположили дать обѣдъ въ залѣ дворянскаго собранія. Гостей собралось болѣе 300 человекъ. Передъ обѣдомъ Плетневъ и Карлгофъ поѣхали за Крыловымъ. Плетневъ сказалъ ему: „Иванъ Андреевичъ, сегодня 50 лѣтъ, какъ вы явились посреди русскихъ писателей! Они собрались провести вмѣстѣ этотъ день, достопамятный для нихъ и для всей Россіи, и просятъ васъ не отказаться отпраздновать этотъ день вмѣстѣ съ ними“. По прибытіи въ собраніе, Оленинъ привѣтствовалъ Крылова. Министръ народнаго просвѣщенія, Уваровъ, возложилъ на поэта звѣзду и пригласилъ въ особую залу, куда вошли поздравить его великіе князья, Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, тогда еще дѣти. Крыловъ тронутъ былъ до слезъ. Затѣмъ императоръ приказалъ выбить медаль, съ портретомъ Крылова и открытъ подписку для учрежденія стипендіи подъ названіемъ „Крыловской“.

Въ 1841 г. Крыловъ навсегда оставилъ службу съ пенсіей въ 11,700 руб. ассигнаціями, переѣхалъ на Васильевскій островъ, въ 1-ю линію, въ домъ бывшій купца Блинова, и сталъ еще рѣже выѣзжать въ свѣтъ, даже въ

англійскомъ клубѣ его видали не часто. Онъ отяжелѣлъ, полнота одолѣвала его, и онъ самъ очень мило подшучивалъ надъ ней.

Послѣднюю свою басню „Вельможа“, написанную въ 1835 году, онъ читалъ царской фамиліи въ маскарадѣ, бывшемъ въ Аничковскомъ дворцѣ.

Всю жизнь свою Крыловъ пользовался рѣдкимъ здоровьемъ, благодаря простотѣ жизни, въ которой онъ выросъ и жилъ. Даже неумѣренность въ пищѣ и сидячая жизнь не повредили ему. Только, еще задолго до кончины своей, онъ два раза чувствовалъ легкіе припадки паралича, но они прошли безъ послѣдствій, и онъ не перемѣнилъ даже образа жизни.

Въ послѣднее время онъ сталъ еще равнодушнѣе и безпечнѣе.

Незадолго до его послѣдней болѣзни изъ Парижа присланы были къ нему для поправки листы съ его жизнеописаніемъ: „Пускай пишутъ обо мнѣ что хотятъ, сказалъ онъ, откладывая бумаги!“ и только по просьбѣ бывшихъ тутъ свидѣтелей внесъ нѣсколько замѣтокъ. Послѣдняя болѣзнь Крылова произошла отъ расстройства желудка, помощь врачей не спасла поэта, но онъ и въ эти минуты сохранилъ спокойствіе и даже нѣкоторую веселость.

Когда опасность усилилась, Крыловъ пожелалъ причаститься св. таинъ. Съ тихимъ умиленіемъ встрѣтилъ духовника своего и принялъ утѣшеніе святой вѣры. Передъ кончиной попросилъ перенести себя въ кресло, но почувствовалъ тоску, пожелалъ остаться въ постелѣ, и тамъ прерывающимся голосомъ сказалъ: „Господи, прости мнѣ мои прегрѣшенія“, глубоко вздохнулъ и скончался утромъ, въ $\frac{3}{4}$ 8 часа 9 ноября 1844 г. 76 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 7 дней отъ роду.

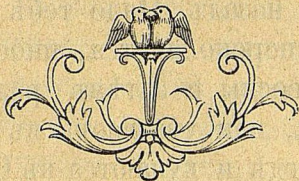
Крыловъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, на такъ называемомъ новомъ кладбищѣ, подлѣ Гнѣдича, откуда видна и гробница Карамзина.

На другой день кончины Крылова болѣе 1000 особъ въ

Петербургѣ получили по экземпляру его басень, которыя только что вышли изъ печати подъ его собственнымъ надзоромъ, ихъ разсылали въ траурной оберткѣ, съ надписью: „Приношеніе. На память объ Иванѣ Андреевичѣ, по его желанію. Санктпетербургъ. 1844 г. 9 ноября, ³/₄8 утромъ“. Съ высочайшаго разрѣшенія открыта была всенародная подписка на сооруженіе памятника Крылову. Вся Россія съ любовью приняла въ этомъ участіе. Памятникъ сдѣланъ былъ въ мастерской извѣстнаго нашего скульптора, барона Клодта, и поставленъ въ Лѣтнемъ саду, въ томъ мѣстѣ, гдѣ всего чаще играютъ дѣти. На гранитномъ пьедесталѣ бронзовая статуя изображаетъ Крылова въ его обыкновенномъ сюртукѣ, онъ сидитъ въ креслахъ, окруженный звѣрями, птицами, насѣкомыми. На барельефахъ изображены эпизоды изъ его лучшихъ басень.

Л—а.

Мирный Курганъ.
Изъ Малороссіи.

ИЗЪ ПЕРЕШИСКИ ДВУХЪ ДРУЗЕЙ. *)

Римъ.

ВЪ ПОСЛѢДНЕМЪ своемъ письмѣ я обѣщалъ тебѣ поговорить о древнихъ остаткахъ великаго прошлаго—галлерейхъ и церквахъ. Многое множество я видѣлъ картинъ, статуй, развалинъ храмовъ, дворцовъ и бань. Какъ все это поучительно! Въ то время какъ папа занимается собираніемъ чужихъ жучковъ и бабочекъ, а мама своей музыкой и пѣніемъ, я, благодаря любезности художника, хожу по галлерейамъ, но прежде чѣмъ буду описывать галлерей, сообщу тебѣ, какого великолѣпнаго зрѣлища я былъ свидѣтелемъ нѣсколько дней тому назадъ. Надо тебѣ сказать, что Римъ, начиная съ осени, переполняется иностранцами, которые живутъ въ немъ до весны и затѣмъ разъѣзжаются или по деревнямъ и вилламъ, или уѣзжаютъ въ Неаполь, большею частію въ Сорренто, гдѣ и купаются въ Средиземномъ морѣ. И мы тоже на дняхъ туда уѣзжаемъ. Но объ этомъ послѣ, сначала расскажу тебѣ объ освѣщеніи Колизея бенгальскими огнями. Это до такой степени грандіозно и эффектно, что меня еле увели домой. Я немного простудился, и докторъ совѣтовалъ мнѣ не оставаться вечеромъ на воздухѣ. Днемъ Колизей я видѣлъ нѣсколько разъ.

Это громаднѣйшій амфитеатръ, который свободно вмѣщалъ въ себѣ до 90,000 зрителей. Онъ былъ воздвигнутъ

*) См. рисунокъ Колизея на стр. 1688.

въ царствованіе Веспасіана и Тита. Его форма полукруглая. Углубленія, гдѣ помѣщались ложи, теперь поросли плющемъ, травой и небольшими деревцами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ложи совсѣмъ обвалились. Съ одной стороны стѣна совершенно разрушена. По ступенямъ, ведущимъ на верхъ, идешь съ нѣкоторымъ страхомъ. Осмотрѣвши всѣ тѣ мѣста, которыя осматриваются безъ опасности провалиться, я заглянулъ въ помѣщеніе гладіаторовъ и даже спустился въ подземелье, гдѣ содержались звѣри.

Въ срединѣ этого колоссальнаго зданія находится арена на которой, ради забавы, въ древнія времена происходила травля людей звѣрями. Теперь здѣсь стоитъ крестъ, а кругомъ подлѣ мѣстъ занимаемыхъ публикой,—картины изображающія страданія Спасителя. Сколько разъ мнѣ ни приходилось быть въ Колизеѣ, я всегда находилъ молящихся. Ты не можешь себѣ представить, дорогая Катя, какъ красивы эти развалины на фонѣ темносиняго итальянскаго неба!

Часто въ лунную ночь, по стѣнамъ, ложамъ и подземельямъ ходятъ съ зажженными факелами. Я самъ со знакомыми осматривалъ его ночью. Это очень интересно. Не знаю, читала ли ты, или тебѣ можетъ быть рассказывалъ дядя Жозефъ, что происходило въ Колизеѣ при Неронѣ. Но я все-таки расскажу тебѣ вкратцѣ, какого зрѣлища былъ свидѣтелемъ народъ. Мнѣ рассказывалъ объ этомъ художникъ, когда мы съ нимъ осматривали Колизей. Знаешь, когда ты слушаешь рассказъ на мѣстѣ, гдѣ именно это происходило, то это совсѣмъ не то, когда ты, слушая, должна себѣ его представлять. Ты, конечно, читала о бояхъ гладіаторовъ. Но это не помѣшаетъ тебѣ знать кое-какія подробности. Въ день представленія съ ранняго утра, когда солнце еле показывалось на небѣ, приходили невольники, которые на красныхъ веревкахъ вели ручныхъ звѣрей; дикіе звѣри, выписанные изъ чужихъ странъ, заключенные въ клѣтки, украшенные цвѣтами, привозились на колесницахъ. Послѣ нихъ появлялись отряды солдатъ. Подлѣ за-

пертыхъ дверей толпилась масса людей, ожидающихъ входа въ циркъ. Первыми входили надзиратели и начальники зрѣлищъ. На ихъ обязанности лежалъ осмотръ арены, т. е. посыпана ли она пескомъ, крѣпки ли рѣшетки, защищающія зрителей отъ дикихъ звѣрей. Арену посыпали пескомъ для того, чтобы скрыть слѣды крови. На самой верхушкѣ зданія, на огромныхъ перпендикулярныхъ балкахъ, прикрѣплялись длинныя, широкія сторы, которыя приводились въ движеніе крѣпкими веревками. По данному сигналу эти сторы, состоящія изъ богатой ткани, натягивались, и надъ ареной и публикой составлялся потолокъ, пропускавшій свѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранявшій зрителей отъ палящихъ солнечныхъ лучей или дождя. Потолокъ, существовавшій при Неронѣ, былъ особенно изященъ. На немъ былъ нарисованъ самъ Неронъ, управлявшій по звѣздному небу колесницей солнца. Ткани для этихъ сторъ употреблялись по большей части изъ пурпуровой матеріи. Лучи солнца, проходя черезъ эту ткань, придавали всему зданію какой-то волшебный видъ. Этотъ красноватый отблескъ падалъ на арену, статуи, колонны, хрустальныя баллюстрады и золотыя рѣшетки. Пока въ амфитеатрѣ натягивали сторы, въ подземельяхъ невольники занимались другими приготовленіями. Изъ глубокихъ рвовъ они впускали въ каменные пещеры дикихъ звѣрей, изъ которыхъ по данному сигналу, отворивши двери и рѣшетки, они выпускали ихъ прямо на арену. Въ особенно торжественные дни эти рвы наполнялись водою, и она впускалась на арену; наполняя ее и арена превращалась въ озеро, по которому плавали корабли и сражались одинъ съ другимъ. Иногда появлялся одинъ громадный корабль, внезапно изъ него выскакивали въ воду различныя животныя и разсѣкали волны искусственного озера. Временами, чтобы разнообразить удовольствія, на аренѣ неожиданно появлялись высокія деревья съ золотыми плодами. Все это совершалось при помощи машинъ, осматривать которыя лежало на обя-

занности невольниковъ. Если машина дѣйствовала плохо и народъ ропталъ, тогда человѣка, осматривавшаго ее, ожидала казнь. Жизнь человѣческая въ то время считалась ни во что.

Когда все было готово, двери Колизея отворялись, и несмѣтныя толпы народа, шедшаго со всѣхъ сторонъ Рима, вторгались въ арки нижняго этажа, поднимались по лѣстницамъ, и наполняли широкіе корридоры цирка и огромный амфитеатръ сверху до низу. Въ лучшей его части находилось мѣсто императора. Его кресло, украшенное золотомъ и слоновою костью, стояло на возвышеніи подъ роскошнымъ балдахиномъ; подлѣ него помѣщались весталки и жрецы. Внутренность цирка раздѣлена была на двѣ части: нижнюю и верхнюю. Нижняя часть подраздѣлялась на три отдѣленія. Первое, называемое оркестромъ, предназначалось для важныхъ лицъ, второе для всадниковъ, третье для народа, т. е. для римскихъ гражданъ. Сенаторы помѣщались ближе всѣхъ къ самой аренѣ. Въ ожиданіи начала, звѣри оглашали циркъ рыканіемъ и воемъ. Народъ въ это время устремлялъ взоры на Аквилонскую гору, откуда появлялся императоръ, окруженный многочисленною свитою. Со всѣхъ сторонъ раздавались громкія рукоплесканія и крики: „Да здравствуетъ повелитель! Побѣда съ тобою!“ Эти громкіе крики какъ раскаты грома пробѣгали по всѣмъ сторонамъ обширнаго зданія и заглушали собой рыканіе и вой звѣрей. Зрѣлища въ Колизеѣ состояли не изъ однихъ боевъ гладиаторовъ и битвъ звѣрей съ христіанами, отданныхъ имъ на растерзанія. Римляне любили разнообразіе. У нихъ на этой же самой аренѣ, политой человѣческой кровью, являлись акробаты и фокусники. Ученые медвѣди, одѣтые въ женское платье, ходили по канатамъ и выдѣлывали всевозможныя штуки. Ручные львы съ вызолоченными когтями и драгоценными ожерельями на шеѣ играли съ зайцами, которыхъ имъ бросали въ разинутую пасть, и которыхъ они принимали очень осторожно, не дѣлая имъ ни малѣйшаго вреда.

Дрессированные слоны являлись попарно, одѣтые въ мужское платье, важно садились за столъ, ѣли и пили изъ золотыхъ чашъ и потомъ, набравши ради шутки въ хоботь ароматной воды, опрыскивали ею своихъ сосѣдей. Ихъ смѣняли другіе слоны, одѣтые въ бальное платье, осыпали арену цвѣтами и потомъ танцевали какой нибудь танецъ. Народъ съ восторгомъ встрѣчалъ и провожалъ громкими рукоплесканіями львовъ, львицъ, тигровъ, которыхъ особенно любилъ за ловкость терзать людей и биться между собой. Любовь къ нимъ народа доходила до того, что онъ иногда требовалъ, чтобы любимаго звѣря отвезли назадъ въ Африку и возвратили ему свободу. Случалось, хотя рѣдко, что народъ требовалъ пощады гладіатору, но такой милости онъ никогда не оказывалъ христіанамъ...

Но оставимъ это давно прошедшее. Если ты пожелаешь узнать поподробнѣе, спроси у дяди Жозефа. Я же буду тебѣ говорить о настоящемъ. Теперь эти горделивыя развалины безмолвствуютъ. Подъ ихъ сводами раздаются не рыканія и вой звѣрей, жаждущихъ крови, а гармоничные звуки мандолины, и иногда цѣлыя серенады. При лунномъ свѣтѣ черныя впадины ложъ кажутся еще чернѣй. Въ ихъ углубленіяхъ семьями живутъ птицы. Но я тебѣ общалъ рассказать объ освѣщеніи Колизея бенгальскими огнями. Это бываетъ раза три-четыре въ годъ. На этотъ разъ мы пошли въ Колизей черезъ Капитолій. Это возвышенное мѣсто, гдѣ, кромѣ присутственныхъ мѣстъ, находится храмъ славы. Не подумай, что это громадный храмъ! Нѣтъ, это небольшая комната въ музеѣ, куда, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти, ставятъ бюсты великихъ людей. У подножія Капитолія съ одной стороны находится форумъ, тотъ форумъ, который ты мнѣ нарисовала. Эта площадь въ древнія времена была мѣстомъ народныхъ собраній. Надобно тебѣ сказать, что древній Римъ былъ построенъ ниже настоящаго новаго Рима. Его улицы были мощены громадными камнями, на которыхъ и донинѣ сохранились борозды отъ колесъ колесницъ. Эта

древняя мостовая обнесена стѣной. Колонны, которыя ты нарисовала—это остатки храмовъ. Кромѣ нихъ, вокругъ цѣлаго фोरума виднѣется высокій двухъ-этажный рядъ колоннъ, и всѣ эти колонны выдѣланы изъ бѣлаго коринѣскаго мрамора. Прежде чѣмъ дойти до Колизея, слѣва виднѣются термы—бани: Тита, Каракаллы и Діоклетіана. Справа на горѣ развалины дворца Цезаря. Эти развалины теряются между кипарисами, лаврами, тополями и пальмами. Въ гору точно колоссальные пауки впились кактусы и алоэ. Толпы народа, какъ волны, нагоняя другъ друга, стремились къ Колизею. Подойти близко не было никакой возможности. И мы остановились вдали. Внутри играла музыка. Всѣ взоры были устремлены на Колизей, видъ Колизея былъ мраченъ. Въ этотъ вечеръ не было видно луны. Но вотъ вылетѣла сигнальная ракета, еще и еще одна, и мрачный великанъ явился на красномъ фонѣ, затѣмъ на фіолетовомъ, синемъ, зеленомъ и бѣломъ. Всѣ зданія кругомъ гармонировали ему. Что это была за прелесть! По разнымъ направленіямъ играла музыка. Поглядывая на веселыя лица толпы, я думалъ невольно о Неронѣ, который дѣлалъ иллюминацію изъ христіанъ, привязанныхъ къ шестамъ, обернутыхъ въ засмоленные одежды. И вдругъ не Колизей представлялся мнѣ, а они пылающіе. Я точно видѣлъ эти гордо-спокойныя лица съ бѣгающимъ по нимъ змѣйками огнемъ. Слава Богу, Катя, что эти времена прошли!.. Въ этотъ вечеръ весь Римъ имѣлъ какой-то торжественный видъ.

Ты просишь, чтобы я тебѣ прислалъ цвѣтовъ изъ Италіи. Здѣсь ихъ дѣйствительно масса. Ихъ продаютъ на каждомъ углу и разносятъ по улицамъ. Очень красиво дѣлаютъ изъ нихъ корзины. Ты должна знать, что римляне какъ въ древнія времена, такъ и теперь очень любили и любятъ цвѣты и растенія. На ряду съ развитіемъ построекъ виллъ, они начали разводить великолѣпные искусственные сады. Для работъ въ садахъ употреблялся особый классъ рабовъ. Сады разводили въ слегка наклоненныхъ равнинахъ, съ которыхъ

бы легко могла стекать вода. Садъ окружался или каменною, или живою изгородью боярышника. Между рядами грядокъ тянулись гряды фруктовыхъ деревьевъ, среди которыхъ были проложены аллеи, по этимъ аллеямъ рабы на носилкахъ носили своихъ господъ. Въ отдаленныхъ частяхъ сада бродили разные животные. Изъ цвѣтовъ особенною любовью римлянъ пользовалась и донынѣ пользуется роза. Розы въ Римѣ находятся всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Кромѣ розъ, римляне любятъ фіалки, нарцисы и лиліи. Много также камелій. Изъ деревьевъ они любятъ кипарисы, лавровое дерево, магнолію и тополь.

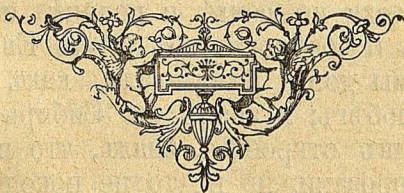
Въ древнія времена римляне не довольствовались разведеніемъ деревьевъ обыкновенной формы, а придавали имъ форму искусственную — пирамиды, конуса, корабля, или какогонибудь животного, или, наконецъ, подстригая дерево, они старались сдѣлать абрисъ любимаго человѣка.

Теперь въ Римѣ не производится ни грандіозныхъ построекъ, ни грандіозныхъ виллъ. Говорятъ: нѣтъ такихъ архитекторовъ, какъ прежде. При этомъ забываютъ добавлять—нѣтъ рабовъ вѣчно обязанныхъ работать.

Настоящій Римъ грязень. А въ какихъ жилищахъ живутъ бѣдняки! Къ нимъ свѣтъ проникаетъ черезъ дверь. Осмотрѣвши хорошо Римъ, я понялъ, почему его жители такъ любятъ солнце. Непріятно съ улицы войти въ церковь или во дворецъ. Чувствуется какая-то дрожь. Всюду мраморъ. Вообще, въ Римѣ очень рѣзкіе переходы. На солнцѣ жарко, въ тѣни свѣжо. Здѣсь очень много воды. Что ни площадь, то фонтанъ. Какіе замѣчательные фонтаны на площади св. Петра!!! А самъ св. Петръ! Войдя въ него, чувствуешь себя какой-то мошкой. Но о Петрѣ и Ватиканѣ особо. Нельзя о нихъ сказать нѣсколько словъ. Когда стоишь лицомъ къ лицу съ древними мастерами, когда передъ тобой Микель Анжело, Рафаэль, Доминикино, то ты чувствуешь, что объ нихъ нельзя говорить такъ. Ихъ надобно изучить и потомъ уже писать. Я не знаю, какъ я много обязанъ ху-

дожнику. Онъ съ такимъ терпѣніемъ рассказываетъ мнѣ обо всемъ, что меня интересуетъ. Былъ я въ церкви св. Онуфрія, тамъ доживалъ свои дни среди монаховъ Торквато Тассо. Сидѣлъ я подъ его любимымъ дубомъ, онъ весь обвитъ плющемъ. Съ этого мѣста прелестный видъ на Римъ, римскую Кампанью и горы. Тассо умеръ въ этой обители и похороненъ 26 апрѣля 1595 года. Видѣлъ его комнатку—это келья съ простой мебелью и очень узенькой кроватью, въ комнатѣ сохраняется его библіотека. Былъ также въ Пантеонѣ, тутъ схороненъ Рафаэль; на могилѣ, вдѣланной въ стѣнѣ, находится его бюстъ. Освѣщается Пантеонъ сверху, сквозь круглое отверстіе въ куполѣ. Одна сторона зданія вошла въ землю. Передъ Пантеономъ устроены лавочки, гдѣ дѣлаютъ лимонадъ. Черезъ нѣсколько дней мы уѣдемъ въ Неаполь, а оттуда опять сюда на продолжительное житье. Я тотчасъ же напишу тебѣ изъ Неаполя. Тамъ я увижу Везувій, Помпею, Кастелламаре, Сорренто и, что меня всего болѣе интересуетъ—Лазурный гротъ. Буду купаться въ морѣ, наловлю тебѣ разныхъ морскихъ чудовищъ. А когда тебѣ ихъ привезу—не знаю.

Твой Толя.

ФРАНЦУЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ ВЪ РОССІИ ВЪ 1813 ГОДУ.

(ОКОНЧАНІЕ).

ИЗНѢ наша потекла хорошо и спокойно. Евгеній сохранилъ значительную сумму денегъ золотомъ, благодаря этому мы не нуждались ни въ чемъ; но я беспокоился о родныхъ, не получая отвѣта на мои письма.

Часто гуляя съ Евгеніемъ, мы съ грустью смотрѣли въ ту сторону, гдѣ должна находится Франція, и мечтали о томъ, когда намъ будетъ разрѣшено возвратиться туда.

Я каждый день бывалъ у княгини Л... Она сколько могла старалась смягчить мое положеніе и поддерживать угасавшую бодрость и энергію. Возвращеніе во Францію было возможно только въ случаѣ заключенія мира, а о немъ не было и помина.

Наконецъ тоска по семьѣ и родинѣ истомила меня, я рѣшился бѣжать и сообщилъ объ этомъ Евгенію; онъ очень обрадовался, и мы долго разсуждали, какъ бы удачнѣе совершить нашъ побѣгъ; я зналъ что Сибирь ожидаетъ насъ, если побѣгъ нашъ откроется, зналъ, что наступаетъ зима, съ жестокими морозами, но ничто не поколебало нашей рѣшимости.

Между плѣнными, содержавшимися вмѣстѣ съ нами въ Казани, находился молодой полякъ, по фамиліи Віерни. Онъ служилъ во французскомъ уланскомъ полку и былъ изъ числа тѣхъ несчастныхъ пяти солдатъ, на которыхъ въ Вильнѣ напали евреи, и я ихъ выручилъ. Съ того времени

Віерни смотрѣлъ на меня, какъ на своего спасителя и былъ мнѣ безгранично преданъ. Онъ хорошо говорилъ по русски, былъ предприимчивъ и смѣлъ, и мы рѣшились сообщить ему наши планы. Онъ отвѣчалъ, что готовъ всюду слѣдовать за мною и предложилъ себя въ полное наше распоряженіе.

Когда я признался въ нашемъ замыслѣ княгинѣ Л..., она долго старалась отклонить меня отъ принятаго намѣренія, представляла громадное разстояніе, которое я долженъ былъ пройти среди всякаго рода опасностей; но видя что все напрасно, снабдила меня деньгами, картой Россіи и компасомъ.

Наконецъ 29-го ноября 1813 года, при наступленіи вечера, послѣ горячей молитвы, мы крѣпко обнялись съ Евгениемъ и Віерни и поклялись не покидать другъ друга; затѣмъ отправились къ княгинѣ, близъ дома которой насъ ожидали большія сани. Княгиня откровенно сказала мнѣ, что какъ русская, она упрекаетъ себя въ томъ, что способствуетъ нашему бѣгству.

— Для васъ я не французъ, отвѣчалъ я, для васъ я мужъ Аніэлы; братъ вашъ и умоляю васъ о помощи; можете ли вы отказать мнѣ въ ней.

Она заплакала и вмѣсто отвѣта крѣпко пожала мою руку.

Прошло одиннадцать часовъ; мы стали собираться въ путь. Мы были одѣты русскими купцами и вооружены. Віерни удалось тайно купить нѣсколько оружія. Нагрузивъ наши сани шубами и съѣстными припасами, мы простились съ княгиней. Я не могъ говорить отъ слезъ.

Княгиня вышла сама проводить насъ до воротъ своего сада; изъ слугъ ея только одинъ зналъ о нашемъ бѣгствѣ.

Мы выѣхали; ночь была темная, вѣтеръ яростно задувалъ фонарь, освѣщавшій намъ путь. Зима только что началась, а рѣки уже замерзли, но это намъ было съ руки. Мы быстро переѣхали Волгу; я смотрѣлъ на свѣтъ, мерцавшій въ окнѣ дома княгини и въ душѣ прощался съ нею. Наконецъ и этотъ свѣтъ скрылся. Одинъ вѣтеръ, поднимавшій снѣжную мятель, нарушалъ ночную тишину. Мы молчали, и въ тишинѣ смѣлость нашего поступка представлялась намъ еще яснѣе.

Проѣхавши всю ночь, на разсвѣтѣ мы остановились въ чащѣ дремучаго лѣса, и отдохнувши отправились дальше. Вечеромъ остановились на ночлегъ въ какой-то хижинѣ, среди лѣса. Въ ней жилъ старикъ крестьянинъ съ дѣтьми.

КОЛЛЕЙ.

Это было намъ на руку, изъ предосторожности мы не выпускали нашихъ хозяевъ изъ хижины, опасаясь чтобы они не позвали народъ и не захватили насъ.

Забарикадировавши дверь, мы улеглись на полу рядомъ съ крестьянской семьею, которую успокоили какъ могли, и крѣпко заснули. Только черезъ сутки мы отправились дальше, щедро наградивъ изумленныхъ, обрадованныхъ крестьянъ.

Яркій блескъ снѣга позволялъ намъ ѣхать ночью такъ же хорошо какъ днемъ. Къ вечеру, мы сворачивали въ ближайшій лѣсъ и углублялись въ непроходимую чащу, чтобы отдохнуть. Привыкнувъ къ трудностямъ военной походной жизни, мы живо устраивали себѣ нѣчто въ родѣ палатки изъ древесныхъ вѣтвей, разводили большой костеръ и, закутавшись въ шубы, скоро засыпали, утомленные тяжелымъ путешествіемъ.

Когда у насъ выходила провизія, мы останавливались передъ какою нибудь уединенною хижиною и Віерни покупалъ намъ съѣстные запасы у ея обитателей. Такъ какъ мы щедро платили за все, то никогда не терпѣли недостатка. Мимоходомъ, Віерни освѣдомлялся у крестьянъ о названіяхъ сосѣднихъ городовъ; мы спѣшили отыскать ихъ на нашей картѣ и съ сокрушеніемъ видѣли, какъ медленно подвигаемся впередъ по безграничному пространству Россіи.

Вдругъ случилось происшествіе, слѣдствіемъ котораго была наша разлука съ Евгеніемъ.

На девятнадцатый день нашего странствія, мы по неосторожности слишкомъ долго пробыли въ одной еврейской корчмѣ возбудили подозрѣніе въ еврей, и онъ донесъ на насъ. Только что мы собрались спать на грязномъ полу, какъ Віерни, взглянувъ въ окно, съ ужасомъ указалъ намъ на нѣсколько казаковъ быстро пересѣкавшихъ поле по направленію къ нашей корчмѣ. Мы поняли, что они посланы арестовать насъ. Оставивъ въ корчмѣ всѣ свои вещи, мы бросились къ лѣсу, окаймлявшему большую дорогу. Я придерживался опушки, Евгеній направился въ другую сторону. Віерни также скрылся изъ глазъ моихъ. Вскорѣ я услышалъ ружейные выстрѣлы, думая что это Евгеній отстрѣливается отъ казаковъ, кинулся къ нему на помощь и наткнулся на четырехъ казаковъ. Отступая отъ нихъ, я попалъ въ лѣсную чащу и заблудился тамъ. Стараясь отыскать товарищей, я бродилъ по лѣсу на удачу, громко

призывалъ Евгенія; но одно лѣсное эхо отвѣчало мнѣ. Наступила ночь: усталый, измученный, убитый горемъ, я безцѣльно блуждалъ по лѣсу. Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня раздался шорохъ, я приготовилъ оружіе, какъ знакомый голосъ назвалъ меня по имени: то былъ Віерни. На мои распросы онъ отвѣчалъ, что исходилъ лѣсъ отыскивая насъ, но нигдѣ не встрѣтилъ Евгенія. Не было сомнѣнія, что нашъ несчастный товарищъ снова очутился въ плѣну.

Остальную часть ночи мы провели въ безплодныхъ поискахъ. На разсвѣтѣ, отдохнувъ немного, выбрались на дорогу и печально продолжали нашъ путь пѣшкомъ.

V.

Отношенія польскаго народа къ французамъ. На родинѣ Віерни. Горячее сочувствіе польскихъ крестьянъ. На волось отъ смерти. Въ домѣ друзей. Болѣзнь и выздоровленіе. Нѣсколько дней въ Варшавѣ. Возвращеніе на родину.

Не буду описывать лишеній и тревогъ, испытанныхъ нами, пока мы добрались до Польши. Хотя намъ приходилось путешествовать пѣшкомъ, но мы знали, что при наступленіи ночи найдемъ убѣжище и въ замкахъ польскихъ магнатовъ, и въ хижинахъ гостепріимныхъ польскихъ крестьянъ.

Віерни торопилъ меня идти впередъ: онъ приближался къ мѣсту своей родины и съ нетерпѣніемъ стремился увидать своихъ родныхъ. Вполнѣ сочувствуя товарищу, я удвоивалъ шагъ. Наконецъ передъ нами открылись бѣлыя стѣны монастыря, стоявшаго на небольшой горѣ; Віерни съ восторгомъ указалъ мнѣ на него; деревня, въ которой онъ родился, лежала у подножія этой горы. Мы подошли къ ней; онъ опередилъ меня, я былъ свидѣтелемъ радости его родителей.

Отецъ Віерни принялъ меня съ радушіемъ, характеризующимъ военныхъ поляковъ, и такъ искренно просилъ меня пробить у него нѣсколько дней, отдохнуть и собраться съ силами, что не смотря на все мое желаніе продолжать путь, я не могъ отказать и остался у нихъ на сутки. На другой день съ разсвѣтомъ пустился далѣе.

Віерни проводилъ меня за нѣсколько миль отъ своей деревни. Когда мы дошли до того мѣста, гдѣ намъ надобно было разстаться, я со слезами обнялъ моего товарища, — моего послѣдняго друга.

Я шелъ безъ отдыха цѣлые дни. Завидя къ вечеру дымъ деревни, робко приближался къ какой нибудь уединенной

хижинѣ и прислушивался, какъ говорили тамъ. Если до моего слуха доносился нѣмецкій языкъ, я отходилъ съ отчаяніемъ, зная что это были евреи, которыхъ избѣгалъ. Въ противномъ же случаѣ, пріотворялъ дверь сказавши нѣсколько польскихъ словъ, которымъ Віерни научилъ меня, говорилъ: „добрые союзники, помогите не счастному французу“.

Крестьяне привѣтливо вводили меня въ свою убогую хижину, отогрѣвали у огня и выражали состраданіе. Ихъ дымная хижина защищала меня отъ холодовъ, они раздѣляли со мною свою грубую, радушно предложенную пищу, я ночевалъ у нихъ, и на другой день утромъ, самъ хозяинъ, или одинъ изъ его сыновей провожалъ меня до большой дороги.

Разъ случилось мнѣ остановиться у мельника, который хорошо говорилъ по нѣмецки, хотя былъ кровный полякъ. Онъ посовѣтовалъ мнѣ не идти по большой дорогѣ, гдѣ я могъ встрѣтиться съ отрядами, слѣдовавшими въ армію, а указалъ на едва замѣтную тропинку, которая не много уклонялась отъ большой дороги. Сверхъ того, добрый мельникъ далъ мнѣ хлѣба на дорогу и замѣнилъ мою развалившуюся обувь лаптями.

Оставивъ домъ мельника, такъ радушно меня принявшаго, я нѣсколько дней не смѣлъ войти ни въ одно жилище. Казацкій полкъ, двигавшійся по большой дорогѣ, каждый вечеръ располагался въ близъ лежавшихъ деревняхъ.

Хлѣбъ, которымъ снабдилъ меня мельникъ, я съѣлъ на первый же день моего выхода изъ деревни, и затѣмъ четыре дня у меня не было во рту ни крошки! Я просидѣлъ одинъ день въ чащѣ придорожнаго лѣса, рассчитывая, что непріятельскій полкъ на цѣлый день опередитъ меня; но за первымъ отрядомъ слѣдовали другіе, менѣе или болѣе многочисленные.

Холодъ и голодъ меня измучили. Не разъ приводилось по цѣлымъ днямъ оставаться на морозѣ, за то ночь проводилъ въ теплѣ.

Въ эти же четыре дня, я ночи проводилъ въ лѣсахъ, закутанный въ свою шубу уже поношенную, среди обнаженныхъ деревьевъ, вмѣсто крова.

На третій день вечеромъ случайно наткнулся я на остатки костра, разведеннаго наканунѣ казаками во время привала. Я прилегъ возлѣ догоравшаго огня; холодъ пронизывалъ

меня насквозь и не давалъ сомкнуть глазъ. Вдругъ не въ далеку послышался голосъ казака отставшаго отъ своихъ товарищей. Онъ громко кричалъ имъ по-русски, ему отвѣчали другіе голоса. У меня мелькнула мысль, не закричать ли и мнѣ, не позвать ли ихъ, и не отдаться ли въ ихъ руки? А потомъ, что меня ожидаетъ? Безконечный плѣнъ, строжайшій присмотръ, невозможность возобновить неудавшуюся попытку... Нѣтъ! нѣтъ! Лучше умереть здѣсь отъ голода и холода, чѣмъ томиться, сказалъ я, и медленно поднявшись, побрелъ въ глубину лѣса. Не знаю сколько времени я шелъ; голоса давно затихли, давно одинъ лѣсъ окружалъ меня со всѣхъ сторонъ; ночь опустилась на землю, а я все шелъ безъ цѣли, безъ мысли, безъ сознанія, спотыкаясь на каждомъ шагу, придерживаясь за пни, такъ какъ луна еще не взошла, и путь мой освѣщался лишь отблескомъ снѣга.

Наконецъ я вышелъ на какую-то незнакомую дорогу; на краю ея стоялъ деревянный крестъ; съ усиліемъ дотацился я до него и упалъ почти безъ чувствъ.

Я мысленно прощался съ родными, молился и чувствовалъ, что замерзаю, кровь застывала, дыханіе прерывалось; въ послѣдній разъ я произнесъ имя Аніэлы и завернувшись въ шубу, приготовился къ смерти.

Внезапно взоры мои, безцѣльно блуждавшіе, остановились на окружавшей меня мѣстности, которую ярко освѣтила выплывшая изъ облаковъ луна. Я старался собраться съ мыслями, путавшимися въ моей головѣ и припомнить, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ я видалъ что-то подобное. Соображеніе мое работало слабо, память плохо слушалась, а между тѣмъ мѣстность была мнѣ положительно знакома. Это озеро, эта поляна, этотъ перекрестокъ, на которомъ я находился...

Не было сомнѣнія... Эта земля принадлежала графу В..., здѣсь стоялъ мой полкъ, передъ походомъ въ Москву, здѣсь я провелъ шесть недѣль среди гостепріимнаго, любезнѣйшаго семейства, какое только можно себѣ представить. Усадьба графа находилась въ четверти мили отъ того мѣста, гдѣ я упалъ. Надежда придавала мнѣ мужество и силу; опираясь на поднятую палку, я пошелъ, насколько могъ, скоро. Только бы силы меня не оставили, думалъ я, неужели Провидѣніе не сжалятся надо мною и допустить погибнуть, почти въ виду дружеской помощи и участія?

Я подходилъ все ближе и ближе къ убѣжищу, въ которомъ видѣлъ свое спасеніе. Каждое мѣсто напоминало мнѣ счастливое прошлое: на этомъ лугу собирались мои товарищи; по этой дорогѣ я много разъ ѣзжалъ верхомъ съ сыновьями графа В..., прекрасными, благородными юношами, дружески меня полюбившими. Мы разсуждали о предстоявшей кампаніи; я былъ полонъ жара и отваги, мечталъ о боевыхъ подвигахъ; а теперь? Теперь я возвращался послѣ этой самой кампаніи, и какая разница!

Я вошелъ въ паркъ; всѣ окна были освѣщены, въ одномъ изъ нихъ я увидѣлъ—сыновей графа. Они весело о чемъ-то спорили, не зная, что ихъ бѣдный Альфредъ стоитъ подъ окнами изнуренный, измученный, похожій на привидѣніе. Я взшелъ на крыльцо и дрожащею рукою постучалъ въ двери. Слуга отворилъ мнѣ; я спросилъ графа В... и, не дожидаясь доклада, направился, или вѣрнѣе сказать поплелся въ залу и остановился въ дверяхъ: все семейство было въ сборѣ, графъ читалъ что-то вслухъ. Хватаясь за кресло, шатаясь отъ волненія и утомленія, я приблизился на средину комнаты. Всѣ обернулись, я назвалъ себя. Трудно описать радость, суматоху, которыя надѣлало мое неожиданное появленіе. Всѣ бросились ко мнѣ, разспросы посылались градомъ, но слабость и волненіе сломили меня—я упалъ въ обморокъ.

Очнувшись, я увидалъ, что графъ и все его семейство наперерывъ старались доказать, какъ рады моему возвращенію. Я поспѣшилъ удовлетворить ихъ любопытству и рассказалъ мои приключенія. Всѣ были глубоко тронуты моимъ рассказомъ. Съ перваго же вечера у меня открылась сильнѣйшая горячка, и я восемь дней пролежалъ между жизнью и смертью. За мной ухаживало съ родственнымъ участіемъ. Сыновья графа чередовались у моей постели.

Какъ пріятно было мое выздоровленіе въ этой рѣдкой, семьѣ! Никогда признательность къ нимъ не изгладится изъ моего сердца.

Я оправлялся медленно; нравственныя и физическія страданія сильно потрясли мой организмъ. Съ нетерпѣніемъ дожидаясь я минуты, когда здоровье позволитъ продолжать путь. Графъ В... предложилъ мнѣ дать письма въ Варшаву къ его роднымъ и знакомымъ. Оттуда я могъ безопасно продолжать свой путь на родину. Сильная слабость не позволяла мнѣ выѣхать.

Къ хозяевамъ моимъ заѣхалъ одинъ испанскій офицеръ,

который попался въ плѣнъ подѣ Москвою; ему позволено было возвратиться на родину, онъ вызвался доставить отъ меня письмо моимъ роднымъ. Я съ восторгомъ принялъ его предложеніе, благодарилъ его и ему завидовалъ.

Наконецъ силы мои возстановились, и я могъ ѣхать въ Варшаву. Не стану описывать своего прощанья съ графомъ В... и его семействомъ. Мы плакали; прощаясь добрая графиня благословила меня, но не могла говорить отъ волненія. Во время моей болѣзни она была мнѣ второю матерью.

Я поѣхалъ въ каретѣ съ однимъ пріятелемъ графа, который выдавалъ меня за своего сына, во избѣжаніе случайностей.

Пребываніе мое въ этомъ городѣ представляло странную противоположность съ тѣмъ образомъ жизни, который я вѣлъ мѣсяцъ тому назадъ. Отъ лишеній и страданій я перешелъ къ свѣтской жизни въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ городовъ Европы. Голова моя кружилась при видѣ роскоши и всѣхъ удобствъ, отъ которыхъ давно уже отвыкъ. Всѣ интересовались мною, искали моего знакомства, я не успѣвалъ отвѣчать на многочисленныя приглашенія, сыпавшіяся на меня со всѣхъ сторонъ. Наконецъ я получилъ письмо отъ матери, дышавшее радостью и горячимъ желаніемъ свиданья. Она писала, что Аніэла съ нею, что всѣ мои родные здоровы и ждутъ меня въ самомъ скоромъ времени. Восторгъ мой не зналъ границъ! Это письмо доставило мнѣ въ нѣсколько минутъ столько блаженства, сколько не всякому удастся пережить въ цѣлую жизнь.

Волнуемый самыми разнообразными чувствами, подѣзжалъ я къ нашему отелю въ Парижѣ. И такъ я въ родномъ городѣ, снова вижу его послѣ многихъ мѣсяцевъ страданій и безнадѣжнаго отчаянія!

Дрожащими шагами поднялся я по знакомой лѣстницѣ; окна были освѣщены; видно было, что меня ожидали каждую минуту. Я нѣсколько разъ писалъ съ дороги отъ Варшавы до Парижа и старался вѣрнѣе опредѣлить день своего пріѣзда. Сердце мое усиленно билось... Я отворилъ дверь и черезъ минуту былъ въ объятіяхъ матери.

Отъ волненія никто не могъ говорить. Мой дядя, полковникъ М..., моя сестра, Аніэла, всѣ были тутъ! Все, что только было для меня на землѣ дорого, собралось привѣтствовать меня. Эта минута съ избыткомъ вознаградила за

всѣмъ страданіямъ, перенесеннымъ со времени моего плѣна. Когда же немного поуспокоились, начались безконечные разспросы и рассказы, прерываемые слезами и поцѣлуями. Родные давно считали меня умершимъ; безутѣшная Аніэла привезла имъ эту печальную вѣсть, подтвержденную официальнымъ извѣстіемъ. На другой день послѣ переправы черезъ Березину, она встрѣтила раненаго солдата, который увѣрялъ ее, что я убитъ. Пораженная горемъ, Аніэла продолжала путь во Францію и до моего пріѣзда жила съ моею матерью, которая полюбила ее какъ родную дочь. Какое-то непонятное предчувствіе поддерживало въ нихъ надежду, что я еще не погибъ и вернусь для нашего общаго счастья. Оно такъ и случилось, благодаря неисповѣдному милосердію Провидѣнія!

А. Куницына.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 декабря 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.